18+

Бог ответил
на наши страдания

Влад Вад

Влад Вад

Бог ответил на наши страдания

https://litres.ru/74986214
ISBN 9785007156622

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В один миг исчезли болезни, боль и сама смерть. Тела стали неуязвимыми, страх — архаизмом, усталость — пережитком прошлого. Мир превратился в идеальную песочницу, где можно всё и навсегда.

Но когда отменили последний закон — закон смертности, — люди обнаружили, что остались одни. Без смысла. Без Бога. Без повода любить друг друга.

Лазарь — аналитик, которому предстоит выяснить, куда исчезли миллионы людей в ночь Перехода — и почему бессмертие всё больше напоминает не дар, а проклятье.

Содержание

Предупреждение автора 5
Часть 1 «Переход» 8
ГЛАВА 1: Великая суббота 8
ГЛАВА 2: Первооткрыватели 14
ГЛАВА 3: Икар 20
ГЛАВА 4: Сон 26
ГЛАВА 5: Снятый корсет 32
ГЛАВА 6: Конец иллюзий 46
ГЛАВА 7: Пластиковый совочек 54
Часть 2 «Спуск» 58
ГЛАВА 8: Серверная 58
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Бог ответил на наши страдания

Влад Вад

© Влад Вад, 2026

ISBN 978-5-0071-5662-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение автора

Читайте эту повесть на свой страх и риск!

Она полна насилия и невыносимого ужаса собственного существования. Неизвестно, что после такого чтения может с вами случиться.

Теперь официальная часть:

Данное произведение является художественным вымыслом в жанре философской антиутопии. Все персонажи, религиозные группы, локации и описываемые события вымышлены.

Автор выражает уважение свободе совести и представителям всех религий. Описанные в книге религиозные общины представляют собой вымышленные деструктивные структуры и радикальные течения, сформированные в условиях глобального социального распада. Их доктрины не имеют отношения к традиционному богословию, являются субъективной часто извращенной трактовкой священных текстов персонажами книги и приведены для демонстрации психологии распада.

*Использование теологической терминологии и фрагментов священных текстов преследует философскую и худо-

жественную цели.

Главный герой произведения является ненадёжным рассказчиком. Его мысли, выводы, теологические оценки и аналитические построения субъективны, искажены психологической травмой и собственной глупостью. Оценки персонажем религиозных доктрин не отражают авторскую позицию и демонстрируют когнитивные ошибки человека, пытающегося рационализировать тотальное насилие.

Настоящее произведение содержит сцены насилия, описание физиологических деформаций и деструктивного поведения персонажей. Произведение категорически запрещено для распространения среди несовершеннолетних и имеет маркировку 18+.

Все действия персонажей, внешне напоминающие акты самоповреждения или причинения вреда здоровью, происходят в контексте вымышленного физического мира, где фундаментальные законы биологии изменены. Произведение демонстрирует бессмысленность и ужас подобных действий, не содержит пропаганды, призывов или побуждения к совершению суицида, самоповреждению, экстремизму или терроризму. Книга не преследует цели оскорбления чувств верующих, а также разжигания межконфессиональной, социальной или любой другой розни.

Если после всего вышесказанного вы всё равно решите читать — автор снимает с себя ответственность за ваш грядущий когнитивный диссонанс и учтите: вы тоже можете оказаться одним из героев этой истории.

Часть 1 «Переход»

ГЛАВА 1: Великая суббота

Я сидел на жёстком пластиковом стуле у кровати Анны уже двадцать часов. Моя младшая сестра весила чуть больше тридцати килограммов. Рак сожрал её изнутри, оставив лишь полупрозрачную, серую оболочку, усыпанную синяками от бесконечных капельниц. Аппарат ИВЛ ритмично, безжалостно гнал воздух в её легкие, которые уже не могли расширяться сами. Каждый вдох сопровождался влажным, булькающим хрипом.

Я вырос в верующей семье. В детстве мой мир вращался вокруг церкви. Но мой Бог давно умер — где-то между ежедневными десятичасовыми рабочими сменами в офисе и безжалостными результатами биопсий. Привыкший всё анализировать и искать алгоритмы, я вытеснил остатки веры прагматичным, холодным цинизмом. Я не верил, что нас кто-то слышит.

Но сейчас, глядя на умирающую сестру, я молился. Не из веры — из животной, выматывающей безысходности. Я сжал её сухую, ледяную руку и молился в пустоту.

— Господи… Если Ты есть, почему всё так? Зачем Ты заставляешь корчиться эту невинную девчонку? Ей девятнадцать, она не прожила и половины жизни! Она умирает вместе с сотнями тысяч других таких же по всему миру. Как Ты смеешь называться любящим и милосердным?!

Замолчал, глотая горькую сухость в горле. Слеза покатилась по лицу, и я продолжил.

— Но если то, что о Тебе пишут, правда хоть на каплю, избавь её от этих жутких страданий.

В следующую секунду мир изменился.

Это не сопровождалось раскатами грома или вспышками света. Не было ангельских хоров. Просто щелчок.

Я вдруг почувствовал себя бодрым, как никогда прежде. Как будто я всю жизнь дышал под водой, и только сейчас моя голова вынырнула на поверхность.

Аппарат ИВЛ надрывно, истерично запищал. Красные лампочки заморгали, потому что машина больше не могла протолкнуть кислород через трубку.

Она не могла этого сделать, потому что лёгкие Анны вдруг с силой, жадно и глубоко втянули воздух сами.

Я вздрогнул и подался вперёд, уронив стул.

Пальцы Анны, секунду назад холодные и хрупкие, вдруг сжали мою ладонь. Они были теплыми. Горячими. Живыми.

Я смотрел на неё и не мог сделать вдох. Серый, землистый цвет уходил с её лица так быстро, словно кто-то стирал его невидимой губкой. Кожа наливалась здоровым розовым цветом. Провалы под глазами исчезали, морщинки боли разглаживались.

Она открыла глаза. В них больше не было мутной пелены морфина. Это были ясные, яркие, осознанные глаза моей сестры.

Анна села на кровать. Сама. Движением невероятно легким, полным силы. Она инстинктивно поднесла руку к горлу и выдернула трубку интубации, которая больше была ей не нужна. Следом из её вен на руках выскользнули иглы капельниц — тело словно само отторгло их, мгновенно затянув крошечные ранки идеальной, чистой кожей. Ни капли крови. Ни единого шрама.

Скинув с себя грязную пропотевшую простыню, она по-

смотрела на своё налившееся жизнью тело. Потом на меня.

— Лазарь? — её голос был чистым и звонким. — У меня… ничего не болит. Лазарь, мне не больно!

Я протер глаза в попытках проснуться. Мои ожидания, всё, что я знал о мире, — всё это рассыпалось в прах перед лицом невозможного, ослепительного чуда, которое сейчас заполняло эту комнату.

Из коридора донёсся грохот. Звон разбитого стекла. А потом звук, от которого по спину усыпали мурашки — долгий, дрожащий крик. Но в нем не было ужаса. Это был крик неконтролируемого счастья.

Я бросился к двери и распахнул ее.

Хоспис сошёл с ума.

Из палаты напротив медленно, шатаясь, словно заново учась ходить, выходил старик, который последние пять лет был парализован ниже шеи. Он смотрел на свои ноги, ощупывал их трясущимися руками и рыдал в голос.

Дверь соседней палаты распахнулась. На пороге стоял мужчина, потерявший зрение много лет назад. Он неловко ощупывал дверной косяк, а его белёсые, мёртвые глаза стремительно темнели, обретая жизнь.

— Свет… — шептал он, ловя дрожащими руками воздух, словно пытаясь потрогать лучи люминесцентных ламп. — Я вижу свет!

Мимо него, прямо по коридору, бежала молодая женщина. Бежала, отбросив в сторону алюминиевые костыли, не веря самой себе, не понимая, куда делась уничтожающая боль искореженного позвоночника…

В конце коридора на полу сидела медсестра. Вокруг неё валялись рассыпанные ампулы. Она смотрела на происходящее полными шока глазами и не смела двинуться.

Это было повсюду. Писк отключающихся приборов эхом разносился по этажам. Дежурный врач замер статуей, уронив планшет, не в силах понять, что происходит. Смертельно больные, искалеченные, слепые, умирающие — они вставали со своих коек, они выходили в коридор. Они обнимали друг друга, трогали свои лица, вдыхали воздух полной грудью.

Я почувствовал себя маленьким мальчиком, способным верить в чудеса.

Смерть отступала.

Бог ответил. Он не просто услышал. Он разорвал проклятие Адама. Он спустился к нам и своими руками стёр каждую слезу, исцелил каждую рану, отменил смерть и тление.

Я почувствовал, как мои ноги подкашиваются. Я медленно сполз на колени, опираясь на дверной косяк, прямо на холодную плитку. Я не понимал, не мог поверить, принять, понять, вместить.

Анна подошла сзади и опустилась рядом со мной. Она обняла меня за плечи, горячая и наполненная жизнью.

Я закрыл глаза, и из них хлынули слезы. Горячие, очищающие слёзы чистого восторга. Моя гордыня, цинизм, разочарование в небесах — всё это было выжжено в один миг этой невероятной, всепоглощающей милостью.

Я плакал от счастья. Я сжимал руки сестры, прижимался лбом к её плечу, слушал ровный, сильный стук её сердца и понимал одно: небо не пустое! Нас любят. Молитвы услышаны! В ту минуту я искренне верил, что мы в Раю.

ГЛАВА 2: Первооткрыватели

До того как мир изменился, моя работа заключалась в поиске чужих ошибок. Я был ведущим архитектором IT-систем — человеком, который по десять часов в день сидел перед мониторами, строил системы и ломал код, чтобы нащупать предел прочности. Профессиональная деформация научила меня никому не верить на слово. Всё нужно тестировать.

Даже Рай.

Я стоял на залитой утренним солнцем кухне и смотрел на массивный японский нож. Момент, когда Анна на моих глазах восстала со смертного одра, был чистым, слепящим чудом. Но теперь первые слёзы высохли, а чудо стало реальностью, в которой нам предстояло жить.

Теперь я должен был понять правила игры. Нащупать границы нового физического движка этой реальности.

Я взял нож. Его лезвие было заточено так, чтобы рассечь лист бумаги на весу. Я положил левую руку на столешницу, поднёс сверкающую сталь к ладони и, глубоко вдохнув, с силой надавил.

Моё сердце на секунду замерло от фантомного ужаса старого мира.

Но ничего не произошло.

Я не почувствовал резкой, обжигающей боли. Не увидел пульсирующей красной линии. Лезвие просто скользнуло по

коже, как по плотной, упругой резине. Я надавил сильнее так, что побелели костяшки пальцев, и провел ножом по всей длине ладони.

Металл сорвался со скрипом. На коже не осталось даже белой царапины. Ни единого следа.

Я отложил нож, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в широкую, почти детскую улыбку. Это было потрясающе! Я ощущал себя Колумбом, чья каравелла только что ткнулась носом в золотой песок Америки. Неизведанный континент абсолютно новой анатомии лежал передо мной, готовый к исследованиям.

Мы были неуязвимы. Мир, который тысячелетиями состоял из острых углов, инфекций, опасной гравитации и хрупкости, вдруг превратился в огромную, безопасную игровую площадку с мягким покрытием.

Из ванной вышла Анна, на ходу пролистывая ленту в телефоне. Она напевала какую-то глупую попсовую песню и двигалась с лёгкостью танцовщицы. Лысина, которую оставила ей химиотерапия, блестела жизнью.

— Ты идешь? — спросила она, бросив на меня сияющий взгляд. — Там, на улице, происходит что-то невероятное!

Мы только-только вернулись из хосписа, но я был полон сил и после недолгих сомнений согласился.

Город превратился в грандиозный, спонтанный карнавал. Люди высыпали из своих квартир, опьяненные отменой самого главного закона Вселенной — закона сохранения стра-

ха. Это был цирк дю Солей, где каждый вдруг стал бессмертным каскадером.

Во дворе соседнего дома прямо на асфальте пылал огромный костёр — кто-то притащил старые поддоны и сломанную мебель. Вокруг стояли люди. Я увидел, как грузный мужчина из пятой квартиры, который раньше ходил с тростью из-за тяжелейшего артрита, вдруг громко расхохотался. Он случайно выронил свою зажигалку прямо в центр багровых, пульсирующих жаром углей.

Вместо того чтобы искать палку, он, подмигнув толпе, просто сунул руку в огонь.

Я затаил дыхание. Пламя лизнуло его рукав, ткань моментально вспыхнула, обнажив предплечье. Мужчина пошарил в углях, достал оплавленный пластик зажигалки и победно поднял руку вверх. Его кожа была покрыта чёрной сажей, но на ней не было ни единого волдыря. Никакого запаха горелой плоти. Только чистое превосходство духа над материей.

Толпа взорвалась аплодисментами. Я хлопал вместе со всеми, чувствуя, как внутри разливается тёплый, пьянящий восторг исследователя. Мы отменили термическое воздействие! Огонь стал ручным!

На перекрестке вчерашние офисные клерки устроили соревнования по паркуру. Они забирались на бетонные козырьки подъездов и крыши низких гаражей, чтобы с гиканьем бросаться вниз, на асфальт.

— Смотри на этого! — крикнула Анна, дергая меня за ру-

кав и показывая на высокого парня в расстегнутой рубашке. Он стоял на краю крыши трехэтажного торгового павильона.

Парень раскинул руки, словно крылья, толкнулся ногами и полетел вниз. Это был потрясающий прыжок веры. Он действовал как существо, презирающее власть гравитации.

Но он не рассчитал траекторию.

Вместо того чтобы сгруппироваться, он приземлился на прямые ноги.

Раздался звук. Не влажный шлепок тела об асфальт, а громкий, сухой, пугающий хруст. Так ломается ствол дерева, когда его подпиливает дровосек.

Ноги парня мгновенно выгнулись в обратную сторону — коленями назад, как у гигантского кузнечика. Он рухнул на бок. Толпа вокруг нас на секунду синхронно ахнула и замерла. Моя челюсть непроизвольно сжалась. Дрожь прошла по телу.

Система дала сбой? Границы прочности найдены?

Я сделал шаг вперёд, но парень не кричал. На его лице не было ни искажающей гримасы боли, ни шока. Он просто лежал на асфальте и с искренним удивлением рассматривал свои вывернутые конечности.

И тут началось *это*.

Прямо на моих глазах под целой, не пробитой острыми обломками кожей началось движение. Бедренные кости и голени, раздробленные кинетическим ударом, пришли в движение. Будто под плотной, непрозрачной резиной ползают

толстые, слепые черви.

Кости скользили, вращались, выстраиваясь в правильную геометрию.

С громким щелчком суставы встали на свои места.

Прошло несколько секунд. Парень моргнул, легко вскочил на ноги и топнул по асфальту, проверяя опору.

— Вы это видели?! — заорал он во всё горло, раскинув руки. — Я как грёбаный Росомаха!!!

Толпа выдохнула и взорвалась таким восторженным гоготом и свистом, что у меня заложило уши. Люди прыгали, обнимались, хлопали парня по плечам. Анна рядом со мной смеялась, прижимая ладони к щекам.

Я тоже улыбался. Я радовался вместе с ними. Мир был безопасен. Моей сестре больше ничего не угрожало.

Но глубоко внутри я почувствовал странный укол. Легкую, почти незаметную тошноту. Я успел сфотографировать процесс регенерации.

В этом исцелении не было ничего от живой природы. Клетки не делились, кровь не спешила к месту разрыва, чтобы запустить воспаление и рост новых тканей. Это выглядело… искусственным. Механическим. Как будто под нашим непробиваемым, идеальным эпидермисом сработала программа самосборки. Мы стали похожи на сверхтехнологичных пластиковых кукол на шарнирах, которые невозможно сломать до конца.

Я тряхнул головой, отгоняя эти мысли.

Глупости, — сказал я себе, глядя на сияющее лицо сестры. — Это просто фантомные боли старого мира.

Привык искать подвох там, где его нет.

Я посмотрел на безоблачное утреннее небо. Подвоха не было. Бог дал нам идеальную песочницу, и мы только начинали в ней играть.

ГЛАВА 3: Икар

Энергия, бушующая вокруг, была заразительной. Она проникала внутрь, вымывая последние остатки осторожности и здравого смысла.

Я посмотрел на смеющуюся Анну, затем на парня, который снова лез на крышу, и вдруг понял, что хочу большего. Я хотел заглянуть за самый край. Устроить себе абсолютный краш-тест.

— Пошли со мной, — сказал я, схватив сестру за руку.

Я всегда до одури боялся высоты. Меня пугала не только сама пропасть, но и та горькая тьма, которая зовёт тебя, когда смотришь вниз.

Помню, как в десятом классе мы с друзьями пришли на крышу старой заброшки. Они спокойно сели на краю, глядя на десятки метров вниз, а я не смог даже подойти.

Один неаккуратный шаг, скользкая бетонная крошка под ногами, дурость кого-то из друзей — и вот я уже прикованный к постели, бесполезный инвалид.

Помню их смех и пронизывающее до копчика напряжение, не дающее сделать и шага.

В этих воспоминаниях мы дошли до центра, где возвышался бетонный скелет недостроенного восьмидесятиэтажного небоскрёба. Ещё вчера здесь был суровый пропускной режим. Сегодня металлические ворота были открыты, а будка охранника пустовала.

Мы долго поднимались по гулким бетонным лестницам. Тело работало идеально: ни малейшей одышки, ни жжения молочной кислоты в мышцах. Мы были неутомимы. Но чем выше мы поднимались, тем сильнее натягивалась невидимая струна внутри меня.

Мы вышли на продуваемую ветром крышу. Отсюда, с головокружительной высоты, вдаль уходила стрела гигантского жёлтого башенного крана, нависающего прямо над бездной.

Анна рассмеялась. Она, ещё вчера прикованная к кровати трубками, вспорхнула на жёлтые металлические секции крана с лёгкостью птицы.

Анна! — вырвалось у меня.

Первый рефлекс — рвануться к ней, схватить, оттащить назад. Но она уже сделала два шага по балке, легко, будто шла по бордюру. Не оглядываясь, она быстро порхала впе-

рёд, прямо над двухсотметровой пустотой.

Пройдя метров десять, она обернулась.

— Лазарь? Ты идешь? — в её голосе звучал чистый, звонкий вызов.

Я положил руки на холодный металл и занёс ногу на балку.

И в этот момент мой организм взбунтовался.

Опыт тысяч поколений, зашитый в подкорку, ударил по тормозам с такой силой, что у меня потемнело в глазах. В кровь плеснула лошадиная доза адреналина. Сердце забилось о ребра, как сумасшедшее, а к горлу подкатила тошнота. Животный, первобытный инстинкт самосохранения орал во весь голос: «Отойди! Одно движение, один порыв ветра, и ты разобьёшься в мясо! Ты умрёшь!»

Мои колени предательски задрожали. Я вцепился в металлический трос так, что побелели костяшки. Мне захотелось упасть на живот, вжаться в надёжный бетон крыши и никогда не вставать.

Анна смотрела на меня, чуть склонив голову. В её глазах не было насмешки, только удивление. Моя младшая хрупкая сестрёнка, которую я всю жизнь защищал и опекал, стояла

над бездной и ждала…

И тут внутри меня что-то щёлкнуло. Горячий, колючий укол уязвлённого самолюбия.

Я — старший брат. Я — архитектор, аналитик, человек логики. Неужели я позволю себе выглядеть жалким трусом перед девчонкой? Неужели я сдамся какой-то устаревшей биологической программе, пока она порхает там, как богиня?

Я стиснул зубы и открыл глаза.

«Успокойся, — мысленно приказал я своему дрожащему телу, делая первый шаг по узкой балке. — Смерти нет. Давай посчитаем. Если ты упадёшь, гравитация будет тянуть тебя вниз семь секунд. Ты ударишься об асфальт. Кинетическая энергия перейдёт во внутренние ткани. Органы порвутся, кости раздробятся. Но мы видели, как это работает. Несколько секунд хруста, ползающих под кожей костей, и ты встанешь. Больше нет фатальных ошибок. Есть только временный дискомфорт.»

Я сделал второй шаг. Ветер ревел, пытаясь сбросить меня вниз. Желудок скрутило от ужаса.

«Заткнись, — мысленно рыкнул я на свою миндалевид-

ную железу, делая третий шаг. — Ты устаревший кусок мяса. Твои страхи здесь больше не работают. Я тебя отключаю.»

Шаг. Ещё шаг. С каждым метром, с каждым усилием воли, подчиняющим трясущиеся ноги холодному рассудку, страх начал истончаться. Я буквально чувствовал, как силой своего интеллекта переписываю собственный инстинкт самосохранения. Я вырывал его с корнем и выбрасывал в пропасть под ногами. Я больше не тварь дрожащая и никогда ей не буду!

Я дошёл до края стрелы и сел рядом с Анной, свесив ноги в бездну.

Дрожь в руках унялась. Далеко внизу расстилался город — гигантский муравейник, где крошечные фигурки людей продолжали свой карнавал, а машины стояли брошенными на перекрёстках.

Я смотрел вниз, болтал ногами над двухсотметровой пустотой. В ушах звенело. Рот раскрыт в неуёмном восторженном крике в пустоту. Это была не просто радость от красивого вида. Это была эйфория абсолютной победы.

Гравитация больше не угрожала, а страх стал рудиментом, от которого можно избавиться усилием воли.

Я посмотрел на Анну.

— Я же говорил, что нам сюда нужно, — крикнул я, перебивая сильный ветер.

Она рассмеялась и прижалась плечом к моему плечу. А я смотрел на мир сверху вниз, и внутри меня разгоралось пьянящее, новое чувство. Чувство, что теперь мы настоящие боги на Олимпе. И этот мир принадлежит нам.

ГЛАВА 4: Сон

Мы возвращались домой далеко за полночь. Но само понятие ночи потеряло смысл — город не собирался спать. Улицы освещались фонарями и кострами, из окон доносился гул музыки и крики. Бессмертный город продолжал свой карнавал.

Мы с Анной молчали, насытившись впечатлениями. Я уже подводил итоги, скрупулёзно подсчитывая затраченные ресурсы. Двадцать часов бдения в хосписе на жёстком стуле. Эмоциональный шок от чуда. Многокилометровая прогулка по городу. Восхождение на восьмидесятиэтажный небоскреб и выброс адреналина на стреле башенного крана.

Чёрт, я не спал больше тридцати пяти часов.

Мы поднимались на лифте на свой этаж, и я думал о том сладком, тяжёлом, почти наркотическом моменте, когда ты переступаешь порог дома. Я предвкушал.

Как стяну с ног тяжёлые ботинки и надену удобные, прохладные тапочки.

Как позволю плечам бессильно опуститься.

Как дойду до кровати, почувствую эту приятную свинцовую тяжесть в голове. Как упаду лицом в мягкую подушку и

позволю голове медленно уходить в забытье, тихонько перебирая все события дня.

Как провалюсь в исцеляющую темноту сна, разбавляемую картинками сновидений.

Я желал этой тишины.

Ключ в замке провернулся. Щелчок. Ещё один.

Мы зашли в прихожую. Я машинально разулся, скинул куртку, переоделся в домашнее, сел на кровать и… замер.

Ожидание не совпало с реальностью. Привычного удара усталости не последовало. Плечи не опустились. Я ждал, что мышцы ног сейчас приятно заноют, требуя покоя, но они были натянуты, как гитарные струны. Я прошёл на кухню, сел на стул и потёр глаза. Они не слипались. Сердце билось ровно, размеренно, как швейцарские часы.

Я нажал кнопку на чайнике. Вода зашумела, а я сидел за столом, вслушиваясь в собственное тело, и чувствовал, как внутри нарастает зудящий, царапающий дискомфорт.

Будто я выпил пять чашек крепчайшего эспрессо перед сном. Разум, привыкший к цикличности суток, умолял о перезагрузке, о покое. Но тело буквально вибрировало от стопроцентного заряда батареи. Мышцы не выработали ни кап-

ли молочной кислоты. Не было ни намека на сладкий вкус мелатонина, зовущего в страну грёз. Мой организм был готов прямо сейчас встать и снова лезть на башенный кран.

Я прижал два пальца к сонной артерии. Толчок. Ещё один.

Зачем? Если тканям больше не нужен кислород — зачем этот насос продолжает гонять жидкость по кругу?

Неужели просто фантомный процесс, чтобы психика не сошла с ума? Или чтобы поддерживать гидравлическое давление в нашей бессмертной, розовой, пышущей здоровьем, пластмассовой коже?

Чтобы отвлечься от хаоса мыслей, я начал рассматривать наш быт.

На подоконнике вразнобой стояли пластиковые контейнеры для лекарств, упакованные шприцы и банки с калорийным белковым питанием — густой смесью с запахом ванили. Я отчаянно вливал эту жижу в Анну, когда её пищевод уже отказывался принимать твёрдую еду.

В углу коридора сложенным пауком застыла инвалидная коляска.

Через приоткрытую дверь спальни я видел её кровать. Не обычную — специальную, функциональную, с поручнями. На тумбочке рядом всё ещё аккуратными стопками лежали впитывающие пелёнки, влажные салфетки, упакованная в полиэтилен медицинская утка и бутыли с прозрачным антисептиком.

В воздухе до сих пор висел въевшийся, ничем не выбиваемый запах лекарств и увядающего человеческого тела.

Диван, кровать, обычный человеческий уют, вся эта мебель, построенная вокруг идеи сна, отдыха, восстановления сил, в один миг потеряла свой физиологический смысл.

На кухню тихо вошла Анна.

Эйфория крыши сошла с её лица. Богиня, смеявшаяся ветру в лицо, осталась там, на стреле крана. Напротив меня сидела обычная девушка с потухшими глазами.

Я молча поставил перед ней дымящуюся кружку с чаем.

Анна обхватила кружку двумя руками. Она долго смотрела на тёмную поверхность напитка, словно пытаясь разглядеть там своё отражение. В тишине кухни было слышно только гудение холодильника.

Потом она тихо, но протяжно издала печальный стон.

— Знаешь, о чём я сейчас подумала? Я ведь в прошлом месяце попросила маму отдать моё зимнее пальто. То, бордовое. Помнишь его?

Я кивнул. У меня сжало челюсти от воспоминания об этом дне. Дне, когда лечащий врач отвёл меня в коридор и сказал, что до первого снега она не доживёт.

— Я знала, что оно мне больше не понадобится, — Анна говорила медленно, будто взвешивая каждое слово.

— Я всё раздала. Закрыла свои страницы в соцсетях. Мысленно попрощалась с тобой, с мамой, с запахом кофе по утрам.

— Я смирилась, Лазарь. Понимаешь?

Она подняла на меня глаза. В них не было восторга или радости от подаренной вечности. В них стояла глубокая, пронзительная растерянность человека, которого высадили на незнакомой станции без билета и багажа.

По её щеке покатилась слеза, но она даже не попыталась её стереть.

— А теперь я сижу здесь. Здоровая.

Анна тихонько сглотнула.

— И я понятия не имею, что мне делать завтра утром. Мне нужно восстанавливаться в институте? Или мне нужно искать работу?

У неё слегка задрожал подбородок.

— Лазарь… я разучилась жить. Я умерла там, в палате, ещё месяц назад.

Я смотрел на сестру, не в силах ответить.

Что можно сказать в ответ на такое? Ты пойдёшь учиться? Мы что-нибудь придумаем? Купим новое пальто?

Всё это искусственно и жалко.

Я просто протянул руку через стол и накрыл её горячие пальцы своими.

ГЛАВА 5: Снятый корсет

Прошло две недели.

Медицинские базы данных, которые я проектировал годами, превратились в цифровой мусор. Медицинских компаний больше нет, и я остался без работы.

Меня выручил старый знакомый из мэрии. Власти города пытались сохранить иллюзию контроля и создали Комитет по чрезвычайным ситуациям.

Меня пригласили туда как кризисного аналитика. У меня была простая задача: ездить по городу с патрулями и фиксировать сбои в работе правоохранительных органов.

В этот день я стоял на тротуаре вместе с нарядом полиции и наблюдал, как умирает концепция порядка.

Толпа молодых людей, одуревших от избытка энергии, громила витрины торгового центра. Полиция пыталась действовать по старинке: щиты, дубинки. Но люди очень быстро усвоили новую физику.

Зачем подчиняться, если ты можешь бежать без остановки сутками?

Зачем бояться дубинки, если она не приносит боли?

Тазеры тоже оказались бесполезны — их иглы с жалким

треском ломались о непробиваемую кожу.

Патрульные попытались оцепить площадь, но толпа просто смела их, смеясь и играючи. Один из парней, разгорячённый безнаказанностью, выхватил у упавшего сержанта рацию и швырнул её в стену.

Пожилой лейтенант не выдержал. Он был на посту уже четвёртые сутки. Вскинув табельный автомат, он дал короткую очередь в толпу.

Одна из пуль ударила парню прямо в грудь. Кинетический удар опрокинул его на асфальт. От вида его раздробленных ребер завтрак начал подступать к горлу. Парень упал на спину, неестественно выгнувшись.

Лейтенант опустил оружие, тяжело дыша. На его лице читался ужас от содеянного.

Но прошло около семи секунд. Грудь лежащего парня заходила ходуном. Сломанные кости с жуткими щелчками встали на свои места. Парень моргнул, опёрся на руки и легко поднялся с асфальта.

Он посмотрел на порванную кофту, потом на трясущегося лейтенанта и рассмеялся. Это был громкий, искренний смех

абсолютно свободного существа.

Я поймал его взгляд — в нем не было озлобленности, только искреннее, детское веселье.

Толпа не бросилась бежать. Вместо этого парень в порванной кофте радостно взревел и бросился на лейтенанта. Не с кулаками — он просто взял его за пояс, приподнял и начал восторженно трясти, словно старого друга. Остальные заготовали и двинулись следом, требуя продолжения банкета.

Лейтенант вырвался, запрыгнул в патрульную машину, и мы уехали.

Уезжая, я услышал, как в толпе кто-то прокричал: «А пошли к мэрии! Интересно, что ещё они для нас приготовили».

Доложив обстановку, лейтенант получил приказ ехать к мэрии.

Мы долго ехали по заполненным хаосом улицам. А я смотрел на солнце через затонированное стекло. Точнее, на то, что было на небе вместо солнца.

Для невооружённого глаза оно почти не изменилось. Но я знал, что солнечные пятна, протуберанцы и корона просто исчезли.

Физики в новостях твердили, что это невозможный объект. Ни одна модель звезды такого не предсказывает.

Это буквально идеальная лампочка из учебника физики, подвешенная в космосе.

Идеальная стабильная светимость. Идеальная сферическая форма.

Я перевёл взгляд на луну, которая начинала проступать. Говорили, что луна не изменилась. А вот звёзды пропали. Все.

Мне представилась картина, как Бог выделяет курсором Землю, случайно захватив и Луну. Делает Ctrl+X, Ctrl+V. Потом достаёт из библиотеки 3D-моделей идеальную лампочку и подвешивает на место, где должно быть Солнце.

Мы проезжали мимо человека, который обливал себя бензином. Я отвернулся.

Сильный удар по астрологии, подумал я. Хотя люди всё равно продолжают спрашивать в интернете, благоприятна ли сегодня эта бесконечная кромешная тьма для Близнецов.

Наконец мы подъехали к мэрии. Центральная площадь превратилась в последний рубеж обороны старого порядка. Остатки правительства задействовали всё, что у них было.

Площадь оцепили грузовиками и армейскими бронетранспортерами. Сотни солдат в полной экипировке и с автоматами наизготовку выстроились в непроницаемую стену. Меня пропустили на ступеньки мэрии. Я встал рядом с бледным командиром оцепления и наблюдал, как по проспектам к нам стекается человеческое море.

Это не был бунт ущемлённых или голодных. Это был карнавал чистой, незамутнённой безнаказанности. Люди шли, пританцовывая, размахивая какими-то палками, снимая происходящее на телефоны. Они хотели зрелищ.

Они хотели протестировать пределы своей новой неуязвимости о самую грозную силу, которую только мог предложить старый мир.

Когда толпа подошла вплотную к заграждениям, командир отдал приказ.

Сначала в ход пошёл слезоточивый газ. Раньше газ вызвал бы удушье, панический кашель и слепоту. Но идеальная биология нового тела работала как совершенный фильтр. Газ оседал на слизистых, но мозг просто отказывался транслировать сигнал жгучей боли. Люди испытали лишь легкую щекотку на слизистых. Они выходили из белых облаков, широко и удивлённо улыбаясь.

Затем ударили светошумовые гранаты. Акустический

удар колоссальной силы разорвал барабанные перепонки стоящим в первых рядах. На секунду наступила абсолютная глухота. Но не вытекло ни капли крови. Мембраны внутри уха стянулись обратно. Вместо контузии и криков от боли толпа почувствовала лишь сильный хлопок по ушам и секундную паузу звука.

На действия армии толпа ответила свистом и улюлюканьем. Кто-то из передних рядов, смеясь, начал раскачивать армейский Урал.

Огонь на поражение! — сорвавшимся голосом крикнул командир в рацию.

Грохот сотен автоматов разорвал воздух. Солдаты стреляли в упор, длинными, беспощадными очередями.

Раньше я любил смотреть краш-тесты машин и был опытным зрителем разного рода деформаций и повреждений. Но то, что происходило со сминаемыми человеческими телами, превзошло все мои ожидания. Кинетическая энергия тысяч пуль обрушилась на толпу. Законы сохранения импульса никто не отменял. Люди валились назад. Непробиваемая кожа работала как кевларовый мешок, внутри которого с влажным, жутким хрустом перемалывались кости и рвались внутренние органы. Передние ряды рухнули на асфальт сплош-

ным ковром изломанных, неестественно вывернутых тел.

Стрельба длилась секунд десять. Затем наступила тишина, прерываемая лишь звоном падающих на асфальт горячих гильз. Солдаты тяжело дышали, с ужасом глядя на дело своих рук.

А затем асфальт пришёл в движение.

Изломанная масса тел зашевелилась. Со всех сторон раздался отвратительный множественный треск — это тысячи суставов, ключиц и позвонков одновременно вставали на свои места под неповрежденной кожей.

И вот мужчина, чья грудная клетка только что была вмята внутрь десятком пуль, сел, похрустел шеей, будто затекшей после неудобной позы, и поднялся на ноги. Девушка с вывернутыми назад коленями уперлась руками в землю, её ноги с тошнотворным щелчком выпрямились, и она вскочила, радостно отряхивая порванные джинсы. Они вставали один за другим. Вся площадь. Смеясь, они смотрели на армию уже не как на угрозу, а как на обслуживающий персонал в парке аттракционов.

Тут в игру вступил пулемётчик на бронетранспортере. Легким движением он надавил на гашетку крупнокалибер-

ного пулёмета.

Огромная пуля, способная прошивать кирпичные стены, попала в живот здоровенному мужчине в авангарде толпы. Послышался не звонкий удар металла, а тупой, влажный звук поглощённой энергии.

До Перехода его разорвало бы пополам. Но сейчас колоссальный кинетический удар сработал иначе. Мужчину снесло сантиметров на десять. Ткани внутри пострадали так сильно, что он практически растекся. В точке удара рёбра превратились в порошок. Ударная волна прошла сквозь всё тело. Печень, селезёнку, почки — разорвало изнутри. Лёгкие просто схлопнулись.

Регенерация заняла раза в два больше времени, чем в прошлый раз.

Мужчина отлип от гранита, выпрямился, стянул с себя разорванную в клочья майку и с диким, животным восторгом заорал:

— Круто! Давай ещё! А из пушки можете?!

И в этот момент армия сломалась. Не от физического поражения, а от бессмысленности своего существования.

Как можно воевать с врагом, который воспринимает расстрел пулемётами как экстремальный массаж?

Солдаты начали опускать оружие. Некоторые в ужасе пятились назад. Командир рядом со мной стоял с открытым ртом, рация выпала из его ослабевших пальцев.

Толпа с радостным гиканьем хлынула на ступени. Они не собирались никого убивать или вешать на фонарях. Им это было не нужно. Они перелезали через бронетранспортеры, вваливались в парадные двери мэрии, чтобы крушить дорогие интерьеры, прыгать на столах чиновников и фотографироваться в кресле мэра, просто потому, что никто во Вселенной больше не мог им этого запретить.

Я просто ушёл, оставив городскую власть на растерзание скучающим бессмертным.

Почему это так ужасает? Ведь люди просто празднуют, а в них стреляют!

«Как в 1917», — всплыло у меня в голове. Всё порушили, всех убили, а что делать дальше? Пришлось изобретать на ходу. Террор. Война всех против всех. Белые режут красных, красные белых, русские стреляют русских.

Жила деревня, не знала ни политики ни партий. Пришли красные — забрали хлеб, изнасиловали женщин. Пришли белые — забрали скот, изнасиловали женщин. И каждый же не просто так насилует. Ради идеи. Великой цели. Светлого

будущего.

От этих мыслей руки непроизвольно прижались к телу в неестественной позе и всё тело содрогнулось.

Следующим шагом моего путешествия была тюрьма.

Я шёл через засыпанные разбитыми витринами улицы, и увидел, как кто-то поджигает мусорку. Зачем?

Строки Блока сами всплыли в голове:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови![1]

Вот уж действительно, русский бунт: бессмысленный и беспощадный.

С этими мыслями я дошёл до тюрьмы.

Едва переступив порог тюремного блока, я оглох. Внутри стоял невыносимый, сплошной гул, от которого вибрировали бетонные перекрытия.

Заключённым больше не нужно было спать. Переполняю-

[1] Александр Блок. Поэма «Двенадцать» (1918). Цитируется фрагмент.

щая энергия требовала выхода. Двадцать четыре часа в сутки они колотили по стальным дверям камер кулаками, локтями, лбами. Они вбивали себя в железо с яростью, которая в старом мире привела бы к смертельным травмам.

Бум. Бум. Бум.

Охранники сидели в дежурной комнате, зажав уши руками. У них были серые, осунувшиеся лица. Их психика медленно разрушалась от сенсорного террора.

Я перевёл взгляд на мониторы наблюдения.

В углу камеры, под самым потолком, было зарешеченное окно. Заключённый подтащил к стене стол, взобрался на него и, ухватившись за прутья, просунул голову между ними. Его сокамерники тоже влезли на стол и подняли ему ноги, чтобы он смог развернуться и удобно ухватиться.

С дружным выкриком товарищи начали толкать его вперёд, и сам заключённый проталкивал себя руками. Это было действие, на которое не способно ни одно живое существо с инстинктом самосохранения.

Микрофон в камере передал омерзительный звук ломающейся ключицы и треск сминаемой грудной клетки. Человек добровольно превратил себя в мешок с раздробленными костями. Он протиснулся наружу лишь наполовину. Раз-

дробленная грудная клетка срослась, и преградой оставались лишь бедренные кости.

Я инстинктивно отвёл взгляд. Но потом интерес победил слабый желудок, и я продолжил смотреть.

Сокамерники спустились, достали из-под кровати ножки разломанного металлического стула и принялись колотить его бедра, сминая кости в кашу.

Затем они протолкнули вперёд изуродованное тело застрявшего, и тот вывалился с третьего этажа.

Прошёл с десяток секунд, может, немного больше. Заключённый встал, и быстро скрылся за углом здания.

Камеры больше не могли никого удержать. Человеческая биология стала мягким пластилином.

Я видел, как дежурные офицеры просто молча встают со своих мест, снимают форму, бросают ключи на стол и уходят домой.

Поздно ночью я вернулся в штаб Комитета. Зал заседаний был пуст. Власть рассыпалась прямо на моих глазах.

Я сел в кожаное кресло, вслушиваясь в мёртвую тишину кабинета, закрыл лицо руками, пытаясь отгородиться от про-

исходящего.

Было сложно прийти в себя после увиденного сегодня. Казалось, что человеческая психика не способна адаптироваться к такому. Я машинально потянулся к сумке, где была ополовинена бутылка виски, но быстро осекся.

Алкоголь теперь был просто жидкостью. Лёгкое тепло в груди и никакого тумана в голове. Переход лишил нас всякой возможности перестать осознавать себя.

Я вспомнил детство. Залитый светом зал церкви. Вспомнил старого пастора, который стоял за кафедрой и читал тринадцатую главу Послания к Римлянам. Его скрипучий голос эхом отдавался в моей голове.

Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога. Начальник есть Божий слуга… он не напрасно носит меч.

«Бред», — думал я тогда. Зачем подчиняться тирану? Как умнейший из апостолов мог написать такое?

Павел писал это при Нероне. Тиране, который заживо сжигал христиан в своих садах. Почему?

Если всякая власть от Бога, то почему Бог даёт власть таким чудовищам, а потом требует покорности?

Оглянулся. Я сидел в пустом штабе рухнувшего правительства. Вспомнил гул толпы, серые беспомощные лица охранников.

Я опустил глаза.

Наверное, даже самое жестокое, коррумпированное государство, с его тюрьмами, полицейскими дубинками и палачами — лучше хаоса, происходящего сейчас на улице.

Видимо, власть была социальным корсетом для парализованной, гниющей человеческой души. Угроза наказания, страх перед тюрьмой, боль от удара — это были костыли, которые удерживали нас от того, чтобы мы не сожрали друг друга живьём в припадке чистого эгоизма.

Человечество тысячелетиями искало избавления от тиранов, автократов, коррупционеров. И вот…

ГЛАВА 6: Конец иллюзий

Если даже облеченным властью это больше не нужно, то тем более мне. Пора вернуться домой, туда, где, я, казалось, не был уже целую вечность. Способность не спать и бесконечные силы — страшная смесь для трудоголика.

Квартира встретила меня темнотой и механическим, рваным звуком. Из гостиной доносились обрывки коротких видео, сменяющие друг друга каждые пару секунд.

Анна сидела на диване, подтянув колени к груди. В полумраке её лицо освещалось только мертвенно-синим светом экрана смартфона. Она сидела в той же позе, в которой я оставил её, уходя с головой в работу Комитета.

Я щёлкнул выключателем, залив комнату безжалостным светом люстры. Анна даже не вздрогнула, лишь слегка прищурилась, продолжая монотонно смахивать видео пальцем.

— В городе больше некого спасать? — произнесла она сухо, не отрывая взгляда от экрана. В её голосе скользнул привычный, заученный упрёк, кольнувший меня чувством вины.

— Давай съездим к родителям, — мягко и настойчиво предложил я. — Нам нужно увидеться с ними. Я действительно заработался, да и хочется узнать, как они там.

Анна погрустнела и, ничего не сказав, отложила телефон и пошла собираться.

Мы ехали по городу в тягостном молчании. На улицах уже не было той пьянящей эйфории первых дней. Карнавал заканчивался, оставив после себя похмелье без возможности напиться. Люди бродили по тротуарам словно тени, лишённые цели. Энергия кипела, но им некуда было её направить. Всё, что можно было попробовать, уже попробовали. А без новизны ощущений даже вечный праздник быстро наскучил.

Анна сидела на пассажирском сиденье, глядя в окно. Вдруг она повернулась, посмотрела на своё отражение и тихо, с надрывом, произнесла:

— Знаешь… я ничего не ела уже десять дней.

Она ждала моей реакции. Ждала паники, сочувствия, привычной суеты старшего брата, готового бежать за продуктами и умолять её съесть хоть ложечку.

Я перевёл взгляд на неё. Её кожа светилась здоровьем, щё-

ки были налиты ровным румянцем, а глаза оставались ясными и влажными.

Я постарался вложить в голос максимум тепла.

— Анна, тебе это больше не нужно. Биология изменилась. Твой организм в идеальном стазисе. Тебе не грозит истощение, так что мы можем больше не беспокоиться о калориях. Всё в порядке.

Она поджала губы и отвернулась к окну.

Когда мы доехали до родительского дома, я ожидал увидеть привычную картину постаревшего отца и суетливой матери. Но когда дверь открылась, мне показалось, что я смотрю в лицо незнакомцу.

Передо мной стоял мужчина, выглядевший моим ровесником. Ему можно было дать не больше сорока. Седина осталась, но глубокие морщины на лбу рассосались, спина выпрямилась.

Я знал, что регенерация откатывает возраст к оптимальному, я видел это на улицах, но одно дело замечать это у случайных прохожих, и совсем другое — увидеть, как исчезает возрастная дистанция между тобой и твоим отцом.

Уважение к возрасту, выстроенное на хрупкости стареющего тела, будто растворялось.

— Где мама? — спросил я, перешагнув порог.

Отец посмотрел на меня пустыми глазами.

— Она не проснулась, — его голос был ровным, лишённым интонаций, словно он зачитывал сводку погоды.

— В то утро, когда всё это началось. Я думал, она просто крепко спит, но когда коснулся её… её не было.

— Я ходил в полицию в первые дни, когда она ещё работала. Там был хаос. Люди кричали. Выяснилось, что мама не одна такая. Все малыши. Многие дети. И некоторые взрослые. Тысячи человек. Они просто исчезли из своих постелей. Растворились.

Семья Абрамовых целиком, отец, мать и четверо детей. Лида Строгина и многие другие в церкви. В прошлое воскресенье мы за них молились. Пастор говорил красивую речь.

Он сел за стол и уставился в пустую чашку.

— Я звонил тебе, Лазарь. Много раз. Но ты не брал трубку. А потом приехала Анна. Мы плакали здесь вдвоем, пока ты был… где-то там. Занят своими важными делами.

Я замер. Руки начали дрожать. Глаз слегка задёргался. Спину усыпало мурашками. В груди началось жжение.

Перебирая списки пропавших, я и не думал, что мама среди них.

Повисшую тишину разорвал всхлип. Анна больше не могла притворяться замороженной. Её прорвало. Она плакала горько, громко, выплёскивая весь страх, скопившийся за эти дни.

— Это ты виноват! — крикнула она, вскакивая со стула. В её голосе не было расчётливой злобы, лишь отчаяние. — Ты бросил меня одну! Тебе всегда была нужна только твоя работа, твои дурацкие проекты! Ты сидел у моей кровати в хосписе не потому, что любишь меня, Лазарь! Тебе просто нравилось играть в святого! Показывал всем, какой ты заботливый брат, пока я умирала! А когда я выжила — всё, спектакль окончен?! Я тебе больше не нужна?! Мама пропала, папа один, а ты даже трубку не берёшь! Я не видела тебя много дней! Ты просто сбежал к своим сраным железкам!

Она хотела, чтобы я подошёл. Чтобы обнял её, чтобы начал оправдываться, чтобы признал свою вину и взял её боль на себя.

Я смотрел на неё и видел не плачущую сестру, а механизм, который пытался чувством вины предотвратить обрушение своей психики.

Я шагнул к ней. Моё лицо было каменным.

— Твой инструмент контроля сломался, Анна. Последние годы ты управляла нашей семьей через свою болезнь. Ты покупала моё внимание своими капельницами, стонами и анализами. Мы все плясали вокруг твоей трагедии. Но этот спектакль окончен. Твой статус мученицы аннулирован.

Она замерла, широко открыв глаза, не в силах поверить в то, что слышит.

— И не смей винить меня в том, что ты десять дней пряталась на диване.

Ты пялилась в этот экран не потому, что ждала спасителя. Ты скроллила эту дрянь, потому что твой мозг не выдерживает тишины.

Ты боишься остаться наедине с самой собой, потому что внутри тебя пустота. Без своей болезни ты вообще не знаешь, кто ты такая.

Я замолчал. В кухне повисла мёртвая, оглушающая тиши-

на. Анна стояла, хватая ртом воздух, словно я ударил её под дых. По её искажённому лицу катились беззвучные слёзы. Отец сидел за столом, бессмысленно глядя в стену перед собой.

Я развернулся и быстро вышел в коридор.

***

Бессознательно я понимал, что только что поступил как чудовище. Мои слова раздробили её, уничтожили последние остатки её защиты. Но моя собственная гордыня, вздувшаяся и непреклонная, сковала челюсти. Я не мог заставить себя сделать шаг назад. Не мог сказать «прости».

Уже выходя из квартиры, я торопливо рационализировал свой побег. Мне нужно было работать. Нужно проанализировать факты исчезновения. Собрать статистику. Понять алгоритм сортировки, по которому одни растворились в воздухе, а другие остались в этих неразрушимых телах. Эмоции только мешают. Мне нужны факты. Только они не врут и не лицемерят.

Тогда, сбегая по лестнице, я был абсолютно уверен в своей правоте. Я упивался ею. Любой гордец свято верит, что голая, математическая истина даёт ему право швырять её в близких, как раскалённые ядра, выжигая всё на своем пути. Мне понадобилась сотня лет в заточении, чтобы познать

на практике одну простую истину: абсолютная правота, лишённая милосердия — это страшный обоюдоострый меч, который режет говорящего не меньше, чем того, кому он говорит.

Никакой гордец не видит, как он жалок, пока не потеряет всё. И даже потом он жалеет не о том что был гордецом, а о том, что всё потерял.

ГЛАВА 7: Пластиковый совочек

Я вышел из подъезда и быстрым шагом направился прочь, не разбирая дороги. Внутри меня всё клокотало. В груди разгорался удушающий огонь. Чем дальше я уходил от родительского дома, тем сильнее меня накрывало.

Организм зафиксировал критическую перегрузку психики. И тогда впервые сработал демпфер.

Просто в какую-то секунду мой мозг принудительно отрезал все яркие эмоции. Будто кто-то повернул ручку громкости чувств на абсолютный минимум, оставив только холодный рассудок.

Я свернул в ближайший сквер. Ноги внезапно стали тяжёлыми — не от усталости, а от невыносимой тяжести собственного существования. Я дошёл до газона у тротуара и просто рухнул на землю.

Я лежал на спине, раскинув руки, и физика моего нового тела издевалась надо мной. Стояла глубокая осень. Дул пронзительный, ледяной ветер, земля подо мной была сырой и промозглой. Но я не чувствовал холода.

Моя непробиваемая кожа не покрылась мурашками, тело не била крупная дрожь. Я лежал на живой, остывающей земле, как брошенный кусок дешёвого пластика. Природа отторгла меня.

Я больше не был её родным ребёнком, способным на физическое страдание. Животные не разучились страдать и умирать. Родных и любимых детей она наказывала, когда они проказничали, а к приёмным была просто безразлична.

Чтобы отвлечься, я повернул голову. В нескольких метрах от меня находилась детская площадка. Пустая и безжизненная. Ветер раскачивал жёлтые металлические качели, и их скрип отчётливо раздавался на всю округу.

Детей больше не было. Они исчезли, растворились в то самое утро.

В прошлой жизни я никогда не хотел детей. Я находил для этого массу прагматичных причин: дети — это хаос, это бесконечная трата ресурсов, конец карьеры и свободы. Мне казалось это зрелым выбором. Но ключевым словом здесь было «выбор». Это была моя личная позиция, моё право сказать «нет».

А теперь Вселенная аннулировала это право. Стериль-

ность стала абсолютной.

Я смотрел на детскую площадку, на облупленную ярко-жёлтую краску на поручнях лестницы, на отполированную до блеска металлическую горку.

Зачем люди вообще заводили детей? Чтобы оставить след в истории? Бросить вызов смерти?

Наверное, чтобы часть нас самих осталась здесь после того, как тело закопают в землю.

Но смерти больше нет. А значит, исчезло и понятие «после». Наследие потеряло всякий смысл.

В песочнице, среди изрытого дождём песка, торчал забытый ярко-зелёный пластиковый совок.

Глядя на этот кусок дешёвого пластика, я понял: ребёнок — это тот, кто будет принимать тебя просто потому, что ты — это весь его мир, всё, что его окружает. Это полигон для реализации всех твоих несбывшихся желаний, тот, кто воплотит в жизнь то, что побоялся ты.

Это оправдание твоей никчёмности: ты не неудачник, который ничего не добился в жизни, ты отец! Ты тот, кто исполнил своё предназначение, и тот, кто реализовался в жизни.

Это право заявлять самому себе и всем окружающим, что

ты не эгоист, ведь ты родил и воспитал человека.

Люди отвратительны. Если и заводить детей, то ради них самих, а не ради себя.

Я ещё раз посмотрел на пластиковый совочек.

Может, когда-нибудь я бы и захотел почувствовать эту безусловную любовь существа, которое не имеет запасного плана, не может без меня обойтись и не знает никакого мира, где меня нет.

Я встал, отряхнулся, развернулся спиной к пустым качелям и быстрым шагом направился в сторону офиса Комитета. Мне нужны были сухие, бесчувственные цифры статистики исчезновений. Много цифр, чтобы закопаться в них с головой и хотя бы на время перестать осознавать себя.

Часть 2 «Спуск»

ГЛАВА 8: Серверная

Ровный, монотонный гул промышленных кондиционеров в серверной был единственным звуком, который примирял меня с реальностью. В подвале под зданием бывшей городской администрации стояла стерильная прохлада. Я сидел в глубоком кресле перед шестью мониторами и проводил плановый годовой аудит инфраструктуры Санаториума.

На центральный экран выводились трансляции с уличных камер. Я переключился на Южный коллектор.

Дождливый день. Грязь по колено. На экране тридцать человек вручную, тяжёлыми лопатами, вбивались в промозглый грунт, вынимая глину для прокладки нового кабеля. Никакой техники. Их бессмертные тела работали с выносливостью дизельных генераторов: никаких перерывов, никакой одышки, ни единого стона.

Я кликнул по рамке распознавания лиц и вывел лог транзакций одного из рабочих — мужчины лет сорока с запёкшейся грязью на щеке.

«Идентификатор: #UW8492. Начислено: 1000 Светочей. Основание: 12 часов земляных работ».

Хотя в мире многие перешли на биткоин, в Сараториуме в ходу была местная криптовалюта, обеспеченная мегаваттами АЭС. За её рубильником сидел глава технокартеля, Рэм Сигизмундович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.